

169	0144-01	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 1 "Женщина и мужчина"
170	0144-02	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 2 "Твой свет"
171	0144-03	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 3 "Грешная грусть"

Сторона 1 – 26.25

Сторона 2 – 24.43

1. С рождественской звезды – 2.11	1(14). Дождик – 2.52
2. Деревья бедные – 1.17	2(15). Яблоня – 1.17
3. 9 января – 2.57	3(16). Отдых – 2.33
4. Женщина и мужчина – 1.12	4(17). У доброго огня – 2.18
5. Постель – 1.29	5(18). Навстречу счастью – 1.46
6. Женские колени – 4.04	6(19). Женщина у моря – 2.04
7. Вечером с получки – 1.16	7(20). Иудейская крепость – 3.54
8. Оттепель – 2.13	8(21). Ласточкино гнездо – 2.54
9. Март – 2.32	9(22). Коктебельская ода – 5.05
10. Пойду пожалуйюсь – 1.22	
11. Весенний дом – 1.36	
12. Уведи меня – 2.43	
13. Апрель – 1.33	

Общее время звучания – 51.08

Сторона 1(3) – 20.22

Сторона 2(4) – 20.32

1(23). Моцарт – 3.35	1(32). В долгу – 2.16
2(24). Мы с тобой – 2.30	2(33). В лесу – 2.09
3(25). Не спрашивай – 1.20	3(34). Белое озеро – 1.24
4(26). Твоё лицо – 1.46	4(35). Лесная музыка – 1.44
5(27). Хвала тебе! – 1.49	5(36). Чем не рай? – 1.11
6(28). Великая любовь – 2.21	6(37). Приготовление борща – 2.34
7(29). Не жена – 2.19	7(38). Осень – 1.44
8(30). Твой свет – 3.12	8(39). Попутанные бесом – 1.26
9(31). Такой останься – 1.30	9(40). Хорал – 1.45
	10(41). Музыка зим – 1.51
	11(42). До свидания – 2.28

Общее время звучания – 40.54

Сторона 1(5) – 25.02

Сторона 2(6) – 24.57

1(43). Спасибо всем – 3.47	1(53). Рождество – 3.48
2(44). Белизна снега – 2.07	2(54). Московская ода – 4.50
3(45). Вера в реинкорнацию – 3.48	3(55). Тоска напала – 3.00
4(46). Пусть – 1.59	4(56). Спасительная свобода – 1.34
5(47). Спешу сказать – 1.39	5(57). Другьям – 2.32
6(48). Безумный век – 2.28	6(58). Вина – 0.58
7(49). Неземная грусть – 1.50	7(59). Тайна рождения – 1.54
8(50). Грешная грусть – 2.54	8(60). Избравшие печаль – 2.31
9(51). Сияние снегов – 2.32	9(61). Ничего не поделаешь – 3.50
10(52). Подводя итоги – 1.58	

Общее время звучания – 49.59

Общее время звучания – 2.22.01

СТОРОНА 1

С РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЗВЕЗДЫ

Я на землю упал с неведомой звезды,
с приснившейся звезды на каменную землю,
где, сколько б я не жил, отроду не приемлю
ни тяжести мирской, ни дружбы, ни вражды.

Как с буднями, звезда, нездешним сердцем сжиться,
коль тополи в снегу мне в тыщу раз важней
всех выездов и смут, певичек и вождей,
а Моцарт и Паскаль отзывней сослуживца?

Что делать мне, звезда, проснувшись поутру?
Я с ближними в их рай не мечу наудачу,
с их сласти не смеюсь, с их горечи не плачу
и с ними не игрок в их грустную игру.

Что значу я, звезда, в день моего рожденья,
колодец без воды и дуб без желудей?
Дано ль мне полюбить косматый мир людей,
как с детства я люблю животных и растенья?

И как мне быть, звезда, на каменной земле,
где телу земляка любя своя рубаха,
так просто обойтись без воздуха и Баха
и свету не найтись в бесколокольной мгле?

Как жить мне на земле, ни с чем земным не споря?
Да будут сны мои младенчески чисты
и не предам вовек рождественской звезды,
откуда я упал на землю зла и горя.

ДЕРЕВЬЯ БЕДНЫЕ

Деревья бедные, зимою черно-голой
что снится вам на городском асфальте?
Сквозь сон услышите добрые глаголы,
моим ночам свою беду оставьте.

Взмахнув ветвями, сделайте крылаты,
летите в Крым, где хорошо и южно,
где только жаль, что не с моей зарплаты,
а то и нам погреться было б нужно.

Морозы русские, вы злее, чем монголы,
корней не рушьте, сквозь кору не жальте...
Что можетниться вам зимою черно-голой,
деревья бедные, на городском асфальте?

9 ЯНВАРЯ

И снова зажгутся, коль нам повезет,

на сосенке свечи,
и тихо опустится с тихих высот
рождественский вечер.

И рыжая киска приткнется у ног,
и закусь на блюде,
и снова сойдутся на наш огонек
хорошие люди.

Вот тут бы и вспомнить о вере былой,
о радостях старых,
о буйных тихонях, что этой порой
кемарят на нарах.

Но, тишь возмутив, окаянное дно
я в чаше увижу
и в ночь золотую набычусь хмельно
и друга обижу.

И стану в отчаянье, зюзя из зюзь,
стучать по стаканам
с надменной надеждой: авось откуплюсь
стихом покаянным.

Упершись локтем в ненадежность стола,
в обличье убогом,
провою его, забывая слова,
внушенные Богом.

Спокойно, друзья, отходите ко сну,
поверьте заздравью,
что завтра я с чистой страницы начну
свою биографию.

Но дайте мне, дайте мне веры в меня
хоть малую каплю...
Вот так я, хмельной, погоняю коня
и так я лукавлю.

А свечи святые давно сожжены
под серую сенью,
и в сердце волнуемой нет тишины,
и нет мне прощенья.

Не мне, о, не мне говорить вам про честь:
в родимых ламанчах
я самый бессовестный что ни на есть
трепач и обманщик.

Пока я вслепую болтаю и пью,
игруч и отыгрисч,
в душе моей спорят за душу мою
Христос и Антихрист.

ЖЕНЩИНА И МУЖЧИНА

Не брат с сестрой, не с другом друг,
без волшебства, без чуда,
живем с тобой, как все вокруг, -
ни хорошо, ни худо.

Не брат с сестрой, не с другом друг,
еще смеемся: «Эка
беда!» - меж тем, как наш недуг
совпал с бедою века.

Не брат с сестрой, не с другом друг,
а с женщиной мужчина,
мы сходим в ад за кругом круг,
и в этом вся причина.

Не брат с сестрой, не с другом друг,
и что ни шаг – то в бездну, -
и хоть на плаху, но из рук,
в которых не воскресну.

ПОСТЕЛЬ

Постель – костер, но жар ее священной:
на ней любить, на ней околевать,
на ней, чем тела яростней свеченье,
душе темней о Боге горевать.

У лжи ночной кто не бывал в ученье?
Мне все равно – тахта или кровать.
Но нет нигде звезды моей вечерней,
чтоб с ней глаза не стыдно открывать.

Меня постель казенная шерстила.
И есть любовь черней, чем у Шекспира.
А есть бессонниц белых канитель.

На свете счастья – ровно кот наплакал,
и, ох, как часто люди, как на плаху,
кладут себя в постылую постель.

ЖЕНСКИЕ КОЛЕНИ

Так-сяк, и трезво, и хмельно,
в кругу друзей сквозь жар и трепет,
на службе, если дело терпит,
в кафе, в троллейбусе, в кино,
пока душа не обреклась
ночному холоду и лени,
смотрю на женские колени,
не отводя упрямых глаз.

Земному воздуху верны,

округлы, розовы, хрустальны,
 соблазна плод и парус тайны, -
 пред ними нет моей вины.
 Как на заморскую зарю –
 не веря в то, что это худо, -
 на жизни чувственное чудо
 с мороза зимнего смотрю.

Сумы дорожные свалив,
 как мы смеемся, что мы шепчем,
 когда в колени ждущих женщин
 роняем головы свои.
 Весь шар земной, весь род людской,
 шута и гения - вначале
 колени матери качали
 с надеждой, верой и тоской.

Природа женщины сама –
 стыдливость, жертвенность и шалость –
 в них упоительно смешалась,
 сводя художников с ума.
 Спасибо видящим очам!
 Я в греховодниках не значусь,
 но счастье мне дарила зрячесть,
 и я о том не умолчал.

Не представляю слаще лон
 и, как на чудо Божье, пляжусь,
 как соком плод, как ветром парус,
 они наполнены теплом.
 Досталось мне и стуж, и гроз,
 но все сумел перетолочь их,
 когда, голея сквозь чулочек,
 лучило нежное зажглось.

Пусть хоть сейчас приходит смерть,
 приму любое наказание,
 а если выколют глаза мне,
 я стану звездами смотреть.
 Они мне рай, они мне Русь,
 волчонком добрым льну и лащусь,
 уж сорок лет на них тарашусь,
 а все никак не насмотрюсь.

ВЕЧЕРОМ С ПОЛУЧКИ

Придет черед, и я пойду с сумой.
 Настанет срок, и я дойду до ручки.
 Но дважды в месяц летом и зимой
 мне было счастье вечером с полочки.

Я набирал по лавкам что получше,
 я брился, как пижон, и, Бог ты мой,
 с каким я видом шествовал домой,

неся покупки вечером с полочки.

С весной в душе, с весельем на губах
идешь-бредешь, а на пути – кабак.
Зайдешь – и все продуешь до полочки.

Давно темно, выходишь, пьяный в дым,
и по пустому городу один –
под фонарями, вечером, с полочки.

ОТТЕПЕЛЬ

Весна – одно, а оттепель – иное:
сырая грязь, туманов серый дым,
слабеет лед, как зуб, крошась и ноя,
да жалкий дождь трещит на все лады.

Ее приметы сумрачны и зыбки,
в ее теплыни холод затаен,
и снег – не снег, и тает по ошибке,
да жалкий дождь клубится сатаной.

Все планы – в прах, все вымыслы повыбрось,
не доверяй минутному теплу.
Куда ни глянь – все мокрота да рыхлость,
да жалкий дождь стекает по стеклу.

И мы хмелеем, даром что тверезы,
разинув рты на слякотную хмарь,
но молча ждут мордастые морозы,
да жалкий дождь бубнит, как пономарь.

МАРТ

Разнообразны и вкусны
повествования весны.
Она как будто и близка,
а снегу сроду столько не было.
Иду по марту, как по небу,
проваливаясь в облака.

Еще морочат нас морозы,
но даль хрустально-голуба,
и, как от первой папиросы,
кружится дура-голова.

В моих глазах – мельканье марли.
Ну что ж, метелица, бинтуй.
Мы заблудились в этом марте.
Не угодить бы нам в беду.

Я сто ночей не отдыхаю.
Я слаще нежности не знал.
Во сне теснит мое дыханье

мокроволосая весна.

В ее святой и светлой замяти,
в капли поздней и седой
живу с открытыми глазами,
как мне повелено судьбой.

Сосулилки залепетали,
попались, звонкие, впросак,
и голубыми лебедями
сугробы плещутся в ручьях.

Я никуда отсель не съеду.
Душа до старости верна
хмельному таянью и свету,
твоей волшебности, весна.

Знать, для того и Север был,
и одиночество, и ливни,
чтоб в этот март тебя внесли мне
пушистой веточкою вербы.

Ну что мне выдумать? Ну чем мне
шаги веселые вернуть?
Не исчезай, мое мученье,
еще хоть капельку побудь.

Мир полон обликом твоим.
Он – налегке. Он с кручи съехал.
Он пахнет солнышком и снегом,
а в сердце буйство затаил.

ПОЙДУ ПОЖАЛУЮСЬ

Колокола голубизне
рокочат медленную кару,
пойду по желтому пожару,
на жизнь пожалуюсь весне.

Тебя поносят фарисеи,
а ты и пикнуть не посмей.
Пойду пожалуюсь весне,
озябну зябликом в росе я.

Часы веселья так скупы,
так вечно косное и злое,
как будто все в меня весною
вонзает пышные шипы.

Я, как бессонница, духовен
и беззащитен, как во сне.
Пойду пожалуюсь весне
на то, что холод не уходит.

ВЕСЕННИЙ ДОМ

Я помню дом один весною в городе.
Его за то я в памяти храню,
что по его карнизам ходят голуби
и снег лежит у крыши на краю.

Еще мокрынъ, еще деревья голы те,
но, вся отдавшись нежному вранью,
горит девчонка в том весеннем холоде,
в мальчишеских ладонях, как в раю.

Взлетают неба синие качели.
А дом стоит, тяжелый от капли,
а льды звенят, а снег никак не стается.

Мне холода вовек не возомнятся,
Моим девчонкам всем по восемнадцать.
Я никогда не доживу до старости.

УВЕДИ МЕНЯ

Когда взыграют надо мной
весны трагические трубы,
Мне вслед за ними поутру бы
и только при смерти домой.

Как страшно спать под мертвой кровлей,
а не под ласковой листвой
и жить не мудростью людской,
а счастья суетною ловлей.

Но держат шоры грошковые,
служебно-паспортный режим,
чтоб я остался недвижим
и все мы были неживые.

Вот почему, как в жар дождя,
как ждут амнистии под стражей,
я жду шагов твоих с утра уже,
до крика к вечеру дойдя.

Свое дневное отработав
заради скудного куска,
мы – должники твои, тоска
пустынных лестничных пролетов.

Но уведи меня туда,
где мир могуч, а травы пряны,
где наши ноющие раны
омоет нежная вода.

Там ряска сеется на заводь
сквозь огневое решето,

и мы возьмем с собой лишь то,
что и в раю нельзя оставить.

Из всей древесности каштан
достоин тысячи поклонов,
а из прозаиков – Платонов,
а из поэтов – Мандельштам.

Там дышит хмель и каплет сок,
и, трав телесностью наполняясь,
ты в них вдохнешь свою духовность
и станешь легкой, как цветок.

Там всем свежо и озаренно
и ничему запрета нет
навечному с детских лет
новеллами Декамерона.

Там все, что лесом прожито,
хранит малюсенький кустарник,
он не слышал стихов бездарных
и разговоров ни про что.

Там пир всемирного братанья,
и только люди – без корней.
Так уведи меня скорей
туда, где все – добро и тайна.

АПРЕЛЬ

Апрель – а все весна не сладится.
День в день – не ветрен, так дождист.
Когда в природе неурядица,
попробуй на сердце дождись.

Блеснет – на миг – и тучи по небу,
и новый день не удался.
А все ж должно случиться что-нибудь,
вот-вот начнутся чудеса.

И что душе до вражьих происков,
что ей, влюбленной, боль и суд,
когда в лесу сине от проблесков
и пахнет почками в лесу?..

ДОЖДИК

День за днем жара такая все –
задыхайся и казись.
Я и ждать уже закаялся.
Вдруг откуда ни возьмись

с неба сахарными каплями
брызнул, добрый на почин,

на неполитые яблони,
огороды и бахчи.

Разошлась погодка знатная,
спохмела тряхнув мошной,
и заладил суток на двое
теплый, дробный, обложной.

Словно кто его просеивал
и отрушивал с решет.
Наблюдать во всей красе его
было людям хорошо.

Стали дали все позатканы,
и, от счастья просияв,
каждый видел: над посадками –
светлых капель кисея.

Не нарадуюсь на дождик.
Капай, лейся, бормочи!
Хочешь – пей его с ладошек,
хочешь – голову мочи.

Миллион прозрачных радуг,
хмурый праздник озарив,
расцветает между грядок
и пускает пузыри.

Нивы, пастбища, леса ли
стали рады, что мокры,
в теплых лужах заплясали
скоморохи-комары.

Лепестки раскрыло сердце,
вышло солнце на лужок –
и поет, как в дальнем детстве,
милой родины рожок.

ЯБЛОНЯ

Чем ты пахнешь, яблоня –
золотые волосы?
Дождевыми каплями,
тишиною по лесу,

снегом нарастающим,
чем-то милым сызмала,
дорогим, нечаянным,
так что сердце стиснуло,

небесами осени,
тополями в рублище,
теплыми колосьями
на ладони любящей.

ОТДЫХ

И опять – тишина, тишина, тишина.
Я лежу, изнемогший, счастливый и кроткий.
Солнце лоб мой печет, моя грудь сожжена,
и почиет пчела на моем подбородке.

Я блаженствую молча. Никто не придет.
Я хмелею от запахов нежных, не зная,
то трава, или хвои целительный мед,
или в небо роса испарилась лесная.

Все, что вижу вокруг, беспредельно любя,
как я рад, как печально и горестно рад я,
что могу хоть на миг отдохнуть от себя,
полежать на траве с нераскрытой тетрадью.

Это самое лучшее, что мне дано:
так лежать без движений, без жажды, без цели,
чтобы мысли бродили, как бродит вино,
в моем теплом, усталом, задумчивом теле.

И не страшно душе – хорошо и легко
слиться с листьями леса, с растительным соком,
с золотыми цветами в тени облаков,
с муравьиной землею и с небом высоким.

У ДОБРОГО ОГНЯ

Неужто все и впрямь темно и тошно,
и ты вовек с весельем не знаком?
А вот костер – и варится картошка,
И пар плывет над жарким казанком.

Запасы счастья засветло пополни,
а злость и зависть сядут под арест.
О, что за снедь ликует на попоне:
редиска с грядки, первый огурец!

И мед земли поет в твоих ладонях,
сверкает, медлит, шелков и парчов,
и, курс держа на свой дощатый домик,
спешит семья стремительных скворцов.

Каким пером ту прелесть опишу я,
где взять слова, каких на свете нет,
Когда над всем, блистая и бушуя,
царит и дышит яблоневого цвет,

И добрый ветер, выпрыгнув из чаши,
ласкает ветки, листьями звеня,
и добрый друг, так родственно молчащий,
сидит с тобой у доброго огня.

ВСЁ БЫЛО НАЯВУ

Я груз небытия вкусил своим горбом:
смертельна соль воды, смертельна горечь хлеба,
но к жизни возвращен обыденным добром –
деревьями земли и облаками неба.

Я стер с молчащих губ отчаянья печать,
под нежной синевой забыл свои мученья.
Когда не слышно слов, всему дано звучать,
все связано со всем и все полно значенья.

И маску простоты с реальности сорвав,
Росой тяжелых зорь умыв лицо и руки,
Как у священных книг, у желтоглазых трав
Играючи учусь безграмотной науке.

Из кроткой доброты и мудрого стыда
кую свою броню, трудом зову забавы
и тихо говорю: «Оставьте навсегда
отчаянье и страх, входящие сюда вы».

На благодарный пир полмира позову,
навстречу счастью засвечу ресницы, -
и ничего мне больше не приснится:
и ад, и рай – все было наяву.

ЖЕНЩИНА У МОРЯ

Над вечным морем свет сменила мгла.
Плывут валы, как птицы в белых перьях.
Всей красоты теперь не разглядеть их,
лишь пыль от них на камушки легла.

И женщина, пришедшая на берег,
в напевах волн стоит голым-гола,
как хрупкий храм. И соль на бедрах белых,
и славят ночь ее колокола.

Две наготы. Два неба. Два набата.
Грозна душа седого шалуна,
и, вся его дыханием объята,

как синева, хмельна и солона,
стоит у моря женщина ночная,
сама себя не видя и не зная.

ИУДЕЙСКАЯ КРЕПОСТЬ

Твои черты вечерних птиц безгневней
зовут во мгле.
Дарю тебе на память город древний –
Чуфут-Кале.

Как сладко нам неслыханное имя
назвать впервой.
Пускай шумит над бедами земными
небес травой.

Недаром ты протягивала ветки
свои к горам,
Где смутным сном чернелся город ветхий,
как странный храм.

Не зря вослед звенели птичьи стаи,
как хор светил,
И Пушкин сам наш путь в Бахчисарае
благословил.

Мы в горы шли, сияньем души вымыв,
нам было жаль,
Что караваны беглых караимов
сокрыла даль.

Чуфут пустой, как храм над пепелищем,
Чуфут ничей,
и, может быть, мы в нем себе отыщем
приют ночей.

Тоска и память древнего народа
к нему плывут,
И с ними мы сквозь южные ворота
вошли в Чуфут.

Покой и тайна в каменных молельнях,
в дворах пустых.
звенит кукушка, пахнет можжевельник,
быть хочет стих.

В пустыне гор, где с крепостного вала
обзор широк,
кукушка нам беду накуковала
на долгий срок.

Мне – камни бить, тебе – нагой метаться
на тех холмах,
где судит судьбы чернь магометанства
в ночных чалмах,

где нам не даст и вспомнить про свободу
любой режим,
затем что мы к затравленному роду
принадлежим.

Давно пора не задавать вопросов,
бежать людей.
Кто в наши дни мечтатель и философ,

тот иудей.

И ни бедой, ни грустью не поборот
в житейской мгле,
дарю тебе на память чудный город –
Чуфут-Кале.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Месяц прошел и год, десять пройдет и сто, -
дышит – поет внизу море в барашках белых.
Ласточкино Гнездо, Ласточкино Гнездо –
нежного неба зов, южного моря берег.

Прожитых дней печаль стихла и улеглась.
Чайки сулят покой. Звездно звенят цикады.
Близким теплом души, блеском любимых глаз
в Ласточкином Гнезде так неземно тиха ты.

Наши сердца кружит солнца и моря хмель,
память забыла все горести и ненастья.
Почка лозы святой – пушкинская свирель –
путников вновь свела в замке добра и счастья.

Сладостно-солона вечная синева,
юность ушла в туман на корабле прошедшем.
«Ласточкино Гнездо» - ласковые слова,
те, что не раз, не два мы в тишине прошепчем .

Как за волной волна, тайне душа верна.
Спят за горой гора в свете от кипарисов.
Давние времена, славные имена,
как ветровой привет и как заветный вызов.

Стань для меня с тобой памятью и звездой,
где, как веков настой, море шумит в пещерах,
Ласточкино Гнездо, Ласточкино Гнездо –
нежного неба зов, южного моря берег.

КОКТЕБЕЛЬСКАЯ ОДА

Никогда я Богу не молился
так легко, так полно, как теперь...
Добрый день, Аленушка – Алиса,
прилетай за чудом в Коктебель.

Видишь? – я, от радости заплакав,
запрокинул голову – и вот
Киммерия, алая от маков,
в бесконечность синюю плывет.

Вся плывет в непобедимом свете,
в негасимом полдне, - и на ней,

как не знают ангелы и дети,
я не помню горестей и дней.

Дал Господь согнать с души отечность,
в час любви подняться над судьбой
и не спугать ласковую Вечность
со свирепой вольностью степной...

Как мелась волошинская грива!
Как он мной по-новому любим
меж холмов заветного залива,
что недаром назван Голубым.

Все мы здесь – кто мучились, кто пели
за глоток воды и хлеба шмат.
Боже мой, как тихо в Коктебеле, -
только волны нежные шумят.

Всем дитя и никому не прадед,
с малой травкой весело слиян,
здесь по-детски властвует и правит
царь блаженных Максимилиан.

Образ Божий, творческий и добрый,
в серой блузе, с рыжей бородой,
каждый день он с посохом и торбой
карадагской шествует грядой...

Ах, как дышит море в час вечерний,
и душа лишь вечным дорожит, -
государству, времени и черни
ничего в ней не принадлежит.

И не славен я, и не усерден,
не упорствую, и не мечусь,
и что я воистину бессмертен,
знаю всеми органами чувств.

Это точно, это несомненно,
это просто выношено в срок,
как выносит водоросли пена
на шипучий в терниях песок.

До святого головокруженья
нас порой доводят эти сны, -
Боже мой Любви и Воскрешенья,
Боже Света, Боже Тишины!

Как Тебя люблю я в Коктебеле,
как легко дышать моей любви, -
Боже мой, таимый с колыбели,
на земле покинутый людьми!

Но земля кончается у моря,

и на ней, ликуя и любя,
 глуби вод и выси неба вторя,
 бесконечно верую в Тебя.

СТОРОНА 3 МОЦАРТ

У моря ветер камни сыпал горсткой,
 ракухи лускал.
 Откуда Моцарт осенью приморской
 на юге русском?

Он был как свет, не ведавший обмана,
 не знавший спеси.
 А где еще и слушать «Дон Жуана»,
 как не в Одессе?

Придет пора – и я тебе наскучу,
 Господня шалость.
 Здесь сто племен в одну свалилось кучу
 и все смешалось.

Под вольный шум отчаянного груза,
 хвальбу и гогот
 по образцам отверженного вкуса
 схохмился город.

Сбегали к морю пушкинские строки,
 овечьи тропы.
 Лег на сухом и гулком солнцепеке
 шматок Европы.

Здесь ни Растрелли не было, ни Росси,
 но в этом тигле
 бродяги мира в дань ребячьей грезе
 театр воздвигли.

Над ним громами небо колебалось,
 трубили бури,
 лишь Моцарт был, как ангел или парус,
 дитя лазури.

Он шел, свистя, по пристаням, по дюнам,
 с волшбой приятя,
 и я не зря о Пушкине подумал:
 они как братья.

Я рад ему в налитой богом сини,
 хотя, наверно,
 играл оркестр и пели героини
 довольно скверно.

Я б не хотел классичнее и строже,
 и слава Богу,

что здесь блистают статуи и ложи,
как в ту эпоху.

Душе скитальца музыка желанна,
как сон о лесе,
а где еще и слушать «Дон Жуана»,
как не в Одессе?

Пусть стаи волн кусты и камни мочат,
и гаснут зори,
и чарам жизни радуется Моцарт
на Черном море.

МЫ С ТОБОЙ

Мы с тобой проснулись дома.
Где-то лес качает кроной.
Без движенья, без желанья
мы лежим, обнажены.
То ли ласковая дрема,
то ли зов молитвоклонный,
то ли нежное касанье
невесомой тишины.

Уплывают сновиденья,
брезжут светы, брызжут звуки,
добрый мир гудит как улей,
наполняясь бытием,
и, как до грехопаденья,
нет ни смерти, ни разлуки –
мы проснулись, как уснули,
на диванчике вдвоем.

Льются капельки на землю,
пьют воробышки из лужи,
вяжет свежесть в бездне синей
золотые кружева.
Я, не вслушиваясь, внемлю:
на рассвете наши души
вырастают безуильно,
как деревья и трава.

То ли небо, то ли море
нас качают, обнимая,
обвенчав благословеньем
высоты и глубины.
Мы звучим в безмолвном хоре,
как мелодия немая,
заорожены мгновеньем,
друг во друга влюблены.

В нескончаемое утро
мы плывем на лодке утлой,
и хранит нас голубое,

оттого, что ты со мной,
и, ложась зарей на лица,
возникает и творится
созидаемый любовью
мир небесный и земной.

НЕ СПРАШИВАЙ

Не спрашивай, что было до тебя.
То был лишь сон, давно забыл его я.
По кругу зла под ружьями конвоя
нас нежил век, терзая и губя.

От наших мук в лесах седела хвоя,
хватал мороз, дыхание клубя.
В глуби меня угасло все живое,
безвольный дух в печали погребя.

В том страшном сне, минутная, как милость,
чуть видно ты, неведомая, снилась.
Я оживал, в других твой свет любя.

И сам воскрес, и душу вынес к полдню,
и все забыл, и ничего не помню.
Не спрашивай, что было до тебя.

ТВОЕ ЛИЦО

Люблю твое лицо. В нем каждая черта –
от облачного лба, до щекотных ресничек –
стесняется сказать, как ландышно чиста
душа твоя, сестра деревьев и лесничих.

Тому, кто чист душой, привычна нищета.
Для бывших бунтарей мы нищие из нищих.
Но ты, не помня зла, беспечностью казнишь их.
Перед лицом твоим не страшно ни черта.

Люблю в него смотреть с наивностью сектанта.
Когда читаешь вслух Гомера или Данта,
ты всей душою там, в их думах дома ты.

Но тихо льется ночь в древесные стаканы,
и ласк твоих труды медлительно-медвяны,
и прелести твоей не надо темноты.

ХВАЛА ТЕБЕ!

Твое лицо светло, как на иконе,
ты в зное снов святишься как река.
Хвала тебе! Крылаты наши кони.
Как душен век! Как Вечность коротка!

Мне без тебя – ни вздоха, ни глотка.

О, сколько жара тайного в тихоне!
 Стыдишься слов? Спроси мои ладони,
 как плоть твоя тревожна и гладка.

Отныне мне вовек не будет плохо.
 Не пророню ни жалобы, ни вздоха,
 и в радость боль, и бремя – благодать.

Кто приникал к рукам твоим и бедрам,
 тот внидет в рай, тому легко быть добрым.
 О, дай Господь, всю жизнь тебя ласкать

ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ

Великая любовь душе моей дана.
 Ей радостью такой дано воспламениться,
 что в пламени ее рассыпались страницы,
 истлела волчья шерсть и стала высь видна.

и я узнал, что жизнь без чуда холодна,
 что правда без добра ловчит и леденится,
 что в мире много правд, но истина одна,
 Разумных миллион, а мудрых единицы,

что мир, утратив стыд, любовью то зовет,
 когда у божества вздувается живот
 и озорство добра тишает перед прозой.

Исполненный тоски за братьев и сестер,
 я сердце обнажил и руки распростер
 и озарил простор звездой черноволосой.

НЕ ЖЕНА

Нет, ты мне не жена.
 Так звать тебя не надо.
 Как старость, тяжела
 семейная прохлада.
 А мы до самых щек
 Теплы, как от пожара,
 И стариться еще
 Нам не за что, пожалуй.
 Еще не завелось
 достатка и богатства,
 и золото волос
 пока что не погасло.

Нет, ты мне не жена.
 Я слово слаще знаю.
 Ты вся, как тишина, -
 телесная, лесная.
 Наш дом открыт для всех,
 лишь захоти остаться,
 В нем не смолкает смех

и не скучает счастье.
 О музыка и зной
 тех слов, что ты мне шепчешь
 пастушкой ночной
 поступков сумасшедших!..

Нет, ты мне не жена,
 бродяжка и бесенок,
 ты вся отражена
 в глазах моих бессонных.
 Ты – пролесок лесной,
 и медом дальних пахот,
 дымящейся весной
 твои ладони пахнут.
 Коснись моей листвы,
 кружись певучей пчелкой
 и жизнь мою лишь ты
 переправляй и черкай.

Я губ твоих желал,
 как простоты и света.
 Нет, ты мне не жена,
 И песенка не спета.

ТВОЙ СВЕТ

Когда весь жар, весь холод был изведен,
 и я не ждал, не помнил ничего,
 лишь ты одна коснулась звонким светом
 моих дорог и мрака моего.

В чужой огонь шагнула без опаски
 и принесла мне пряные дары.
 С тех пор иду за песнями запястий,
 где все слова значимы и добры.

Моей пустыни холод соловьиный,
 и вечный жар обветренных могил,
 и небо пусть опустятся с повинной
 к твоим ногам, прохладным и нагим.

Побудь еще раз в россыпи сирени,
 чтоб темный луч упал на сарафан,
 и чтоб глаза от радости сырели,
 и шмель звенел, и хмель озоровал.

На свете нет весны неизносимой:
 в палящий зной поляжет, порыжев,
 умрут стихи, осыплются осины,
 а мы с тобой навеки в барыше.

Кто, как не ты, тоску мою утешит,
 когда, листву мешая и шумя,
 щемящий ветер борозды расчешет

и затрещит роса, как чешуя?

Я не замерзну в холоде декабрьском
и не состарюсь в темном терему,
всем гулом сердца, всем моим дикарством
Влюбленно верен свету твоему.

ТАКОЙ ОСТАНЬСЯ

Твои глаза светлей и тише
Воды осенней, но, соскучась,
Я помню волосы: в них дышит
Июльской ночи тьма и жгучесть.

Ну где еще отыщет память
Такую грезящую шалость,
В которой так ночное пламя б
С рассветным льдом перемешалось?

Такой останься, мучь и празднуй
Свое сиянье над влюбленным, -
Зарей несбыточно-прекрасной,
Желаньем одухотворенным.

В ДОЛГУ

Все деревья, все звезды мне с детства тебя обещали.
Я их сам не узнал. Я не думал, что это про то.
Полуночица, умница, черная пчелка печали,
не сердись на меня. Посмотри на меня с добротой.

Как чудесно и жутко стать сразу такими родными!
Если только захочешь, всю душу тебе отворю.
Я твержу как пароль каждым звуком хмелящее имя,
я тревожной порой опираюсь на нежность твою.

Не цветными коврами твой путь устилала усталость,
окаянную голову северный ветер сечет.
Я не встречу с тобой. Я с тобой никогда не расстанусь.
Отдохни в моем сердце, покуда стучится еще.

Задержись хоть на миг – ты приходишь с таким опозданием.
Пусть до смертного часа осветит слова и труды
каждый жест твоих рук, обожженных моим обожаньем.
Чудо жизни моей, я в долгу у твоей доброты.

В ЛЕСУ

В лесу, где веет Бог, идти с тобой неспешно...
Вот утро тклет паук – смотри, не оборви...
А слышишь, как звучит медлительно и нежно
в мелодии листвы мелодия любви?

По утренней траве как путь наш тих и долог!

Идти бы так всю жизнь – куда, не знаю сам.
 Давно пора начать поклажу книжных полок –
 и в этом ты права – раздаривать друзьям.

Нет в книгах ничего о вечности, о сине,
 как жук попал на лист и весь в луче горит,
 как совести в ответ вибрируют осины,
 что белка в нашу честь с орешником творит.

А где была любовь, когда деревья пахли
 и сразу за шоссе кончались времена?
 Она была везде, кругом и вся до капли
 в богослуженье рос и трав растворена.

Какое счастье знать, что мне дано во имя
 твое в лесу твоим лишь верить и молчать!
 Чем истинней любовь, тем непреодолимей
 на любящих устах безмолвия печать.

БЕЛОЕ ОЗЕРО

Давай засвищем, флейта, в лад
 напевам осени,
 авось отыщем чей-то клад
 на Белом озере.

Туда, в заветные места,
 на горе ворогу
 айда чуть свет, моя мечта,
 нагою по лугу.

Там сказка розовой земли
 и школа Корчака,
 где пьют амброзию шмели
 из колокольчиков.

И, от невидимых болот
 спасая узника,
 поет всю Вечность напролет
 лесная музыка.

Там можно душу уберечь
 и песню выпасти
 и растворить мирскую речь
 в древесной тишине.

Когда из чащи лик живой,
 дыша, просунется,
 не испугается его
 душа – разумница.

Пока наш взор следить готов
 за вихрем беличьим,
 всех наших бедствий и грехов

редеет перечень.

ЛЕСНАЯ МУЗЫКА

«Тяжел черед» - зов ветра вслед
напевам осени,
где желт и розов бересклет
на Белом озере.
Скатилось лето колесом,
пожухли желуди,
и стал печальным карий сон
вдохнувшем холоде.

Поранишь душу об мороз –
поверишь в заповедь:
пора меж сосен и берез
мечту закапывать.

Собьют ли с ног, придет ли срок
напевам осени,
заройте зарево в песок
на Белом озере.

Ах, я не воин никакой,
игрок на лире я,
и пусть споет за упокой
речная лилия.

ЧЕМ НЕ РАЙ?

Уже картошка выкопана,
и, чуда не суля,
в холодных зорях выкупана
промокшая земля.

Шуршит тропинка плюшевая:
весь сад от листьев рыж.
А ветер, гнезда струшивая,
скрежещет жестью крыш.

Крепки под утро заморозки,
под вечер сух снежок.
Зато глаза мои резки
и дышится свежо.

И тишина, и ясность...
Ну, словом, чем не рай?
Кому-нибудь и я снюсь
в такие вечера.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ БОРЩА

Моя подруга варит борщ.
Неповторимая страница!

Тут лоб как следует наморщь,
Чтоб за столом не осрамиться.

Ее глазенушки светлы.
Кастрюля взвалена на пламя,
и мясо плещется в компании
Моркови, перца и свеклы.

На вкус обшарив закрома,
лохматая, как черт из чащи,
постой, пожди, позаклинай,
чтоб получилось подходяще.

Ты только крышку отвали,
и грянет в нос багряный бархат,
куда картошку как бабахнут
ладони ловкие твои.

Ох, до чего ж ты хороша,
в заботе милой раскрасневшись
(дабы в добро не вкралась нечисть),
душой над снедью вороша.

Я помогаю чем могу,
Да только я умею мало:
толку заправочное сало,
капусту с ляды волоку.

Тебе ж и усталь нипочем,
добро и жар - твоя стихия.
О, если б так дышал в стихи я,
как ты колдуешь над борщем!

но труд мой кривду ль победит,
беду от родины отгонит,
насытит ли духовный голод,
пробудят к будням аппетит?..

А сало, желтое от лет,
с цибулей розовой растерто,
и ты глядишь на божий свет,
хотя устало, но и гордо.

Капуста валится, плеща,
и зелень сыплется до кучи,
и реет пряно и могуче
благоухание борща.

Теперь с огня его снимай
и дай бальзаму настояться,
и зацветет волшебный май
в седой пустыне постоянства.

Владыка, баловень, кашей,

герой, закованный в медали,
и гений – сроду не едали
таких породистых борщей.

Лишь добрый будет угощен,
лишь друг оценит это блюдо,
а если есть меж нас иуда, -
пусть он подавится борщом!..

Клубится пар духмяней рош,
лоснится соль, звенит посуда...
Творится благодное чудо –
моя подруга варит борщ.

ОСЕНЬ

О синева осеннего бесстыдства,
когда под ветром, желтым и косым,
приходит время помнить и поститься
и чад ночей душе невыносим.

Смолкает свет, закатами косим.
Любви - не быть, и небу – не беситься.
Грустят леса без бархата, без ситца,
и холодеют локти у осин.

Взывай к рассудку, никни от печали,
душа – красotka с зябкими плечами,
давно ль была, как птица, весела?

Но синева отравлена трагизмом,
и пахнут чем-то горьким и прокислым
хмельным-хмельные вечера.

ПОПУТАННЫЕ БЕСОМ

Тебя со мной попутал бес
шататься зимней чащей,
где ты сама была как лес,
тревожный и молчащий.

В нем снег от денного тепла
лежал тяжел и лепок –
и стыли ножки у тебя
в ботиночках нелепых.

Мы шли по лесу наугад,
навек, напропалую,
и ни один не видел гад,
как я тебя целую.

Дышал любимой на виски
и молча гладил руки
и задыхался от тоски

и нестерпимой муки.

Нам быть счастливыми нельзя,
а завтра будет хуже, -
и лишь древесные друзья
заглядывали в души.

Да с лаской снежная пыльца,
неладное почуяв,
касалась милого лица
и горьких поцелуев.

ХОРАЛ

Дай заглянуть в глаза твои еще хоть.
Скажи хоть раз, что ты была не сном...
Под сапогами, черными, как деготь,
Кричит заря в отчаянье смешном.

Святые спят. Их плачем не растрогать.
Перепились на пиршестве ночном.
Лишь чей-то возглас: «Господи, начнем!»
И детский крик. И паника. И похоть.

На небесах горит хорал кровавый.
Он сбрасывает любящих с кроватей.
Он рушит стены, грозен и коряв.

Кричит в ночи раздавленное детство,
И никуда от ужаса не деться,
Пока гремит пылающий хорал.

МУЗЫКА ЗИМ

О, когда ж мы с тобою пристанем
К островам с ворожкой и блистаньем,
Где родная душе тишина
Нежным холодом опушена?

У себя на земле, к сожаленью,
Мы презрели божественной ленью
И не верим небесным дарам
Под мучительный трам-тарарам.

Там стоят снеговые хоромы,
с ночи полные света и дремы,
и поземка в потемках шалит,
как безумное сердце Лилит.

С первым солнышком выйдем из дому
побродить по снежку молодому.
Дальний блеск, белизна, благодать, -
а нельзя ничего передать.

С добрым утром, царевна Ворона!
Где твоя золотая корона?
Черный бархат на белом снегу
никому подарить не смогу...

Напой ж нас грозovým бальзамом,
зимний рай, где остаться нельзя нам,
потому что и с музыкой зим
неизбежностью души казним.

ДО СВИДАНИЯ

В январе на улицах вода,
темень с чадом.
Не увижу неба никогда
Сердцем сжатым.

У меня из горла – не слова –
боли комья.
В жизни так еще не тосковал
ни по ком я.

Ты стоишь, как Золушка, в снегу,
ножки мочишь.
Улыбнись мне уголками губ,
если можешь.

В январе не разыскать следов.
Сны холонут.
Отпусти меня, моя любовь,
камнем в омут.

Мне не надо больше смут и бед,
славы, лени.
Тихо душу выдохну тебе
на колени.

Упаду на них горячим лбом.
Ох, как больно!
Вся земля – не как родильный дом,
а как бойня.

В первый раз приходит Рождество
в черной роли.
Не осталось в мире ничего,
кроме боли.

И в тоске, и в смерти сохраню
отсвет тайны.
Мы с тобой увидимся в раю.
До свидания.

НЕБЕСНОЕ СПАСИБО

Пришли, пришли пропойцы – кемари,
не отчурались, черти недосыпа!
На грядках дней пропольщики мои,
какое вам небесное спасибо!

Кто как сумел у чарочки присел, -
пой вас Бог, друзья – жизнепродувцы!
Пока далек положенный предел,
лета летят, а ниточки прядутся.

Спасибо всем, кто в этот час со мной,
кого я смог, кого не смог собрать я!
Ох, как я полон жизнью земной!
В ней нет чужих, все – сестры лишь да братья.

Чем тоньше нить, тем тише и светлей
в душе моей, и вся она – любовь к вам.
Ишь, летом вишен падает с ветвей,
а места нет счетам и недомолвкам.

Спасибо, жизнь, за то, что прожита,
за этот свет, что вы зовете «старость»!
Смотрю в себя: где горечь, где вражда?
И следу нет. Одна любовь осталась.

Ишь, воробьишки прыгают у ног, -
на свете роль нисколько не мала их.
Моя ж душа – воробышек и бог,
и дуб в лесу, и Будда в Гималаях.

Мне в жизни сей хватало на харчи,
а по лихве печалиться не стану.
Простите все, кого я огорчил,
с кем в ссоре был, кого обидел спьяну.

Простите все, кого я не узнал, -
не из гордыни или басурманства.
Моя ж родня наполовину с нар,
да я и сам отголева сорвался.

Окажем честь зеленому вину,
его еще останется на случай.
Прости мой долг, прости мою вину,
мой лучший брат за проволкой колючей.

За тыщу верст – пустили бы – пешком
прибрел к тебе копытами босыми.
Прости меня, барашек с петушком,
чью кровь опять прольют в Эчмиадзине.

Простите все. Мне высь моя к лицу.
С нее теперь ни на вершок не сниду.

Какое счастье – к отчему крыльцу
нести в себе вину, а не обиду.

Спасибо всем, случайным, как и я.
Я вас люблю светло и покаянно.
Как хорошо вернуться в океан
искавшей смысла капле океана.

Я высший дар несу не расплескав,
хоть и кажусь иному дурачиной.
Мне и теперь любая боль близка,
но все небесней свет неомрачимый.

БЕЛИЗНА СНЕГА

Смеженный свет солоноватых век...
Земля в снегу, мы в середине круга.
Пусть он лежит – скажи ему, подруга, -
я не хочу, чтоб таял белый снег.

На темный мир, исполненный бесстыдства,
пролился свет в покое полусна.
О, как он юн! О, как ему блеснится!
От всех болезней лечит белизна.

В такие дни нельзя, чтоб злом на зло мы.
Во весь простор по взмаху милых рук
плывут из вьюг рождественские звоны,
святят печаль и размыкают круг.

Присесть к столу, прогреться бы не худо,
земную стужу стаивая с век,
но не хочу, чтоб так кончалось чудо,
нельзя никак, чтоб таял белый снег.

Затем нельзя, что в замяти рассвета,
когда крещусь в купели снеговой,
душа моя пред вечностью раздета
и с нами снег – и больше никого.

ВЕРА В РЕИНКОРНАЦИЮ

В лесу соловьином, где сон травяной,
где доброе утро нам кто-то пропиныкал,
счастливые нашей небесной виной,
мы бродим сегодня вчерашней тропинкой.

Доверившись чуду и слов лишены
и вслушавшись сердцем в древесные думы,
две темные нити в шитье тишины,
светлеем и тихнем, свиваясь в одну, мы.

Без крова, без комнат венчальный наш дом,
и нет нас печальней, и нет нас блаженней.

Мы были когда-то и будем потом,
пока не искупим земных прегрешений...

Присутствием близких в любви стеснена,
но пальцев ласкающих не разжимая,
ты помнишь, какая была тишина,
молитвосклоненная и кружевная?

Нас высь одарила сорочьим пером,
а мир был и зелен, и синь, и оранжев.
Давай же, - я думал, - скорее умрем,
чтоб встретиться снова как можно пораньше.

Умрем поскорей, чтоб родиться опять
и с первой зарей ухватиться за руки
и в кружеве утра друг друга обнять
в той жизни, где нет ни вины, ни разлуки.

ЗА ВСЕХ

Пока хоть один безутешен влюбленный, -
не знать до седин мне любви разделенной.

Пока не на всех заготовлен уют, -
пусть ветер и снег мне уснуть не дают.

И голод пока смотрит в хаты недобро, -
пусть будут бока мои – кожа да ребра.

Покуда я молод, пока я в долгу, -
другие пусть могут, а я не могу.

Сегодня, сейчас, в грозовой преисподней,
я горшую часть на спине своей поднял.

До лучших времен в непогоду гоним,
таким я рожден – и не быть мне иным.

В глазах моих боль, но ни мысли про старость.
До смерти, любовь, я с тобой не расстанусь.

Чтоб в каждом доме было чудо и смех, -
пусть мне одному будет худо за всех.

СПЕШУ СКАЗАТЬ

Кто – в панике, кто – в ярости,
а главная беда,
что были мы товарищи,
а стали господа.

Ох, господа и дамы!
Рассыпался наш дом –
Бог весть теперь куда мы

несемся и бредем.

Боюсь при свете свечек
смотреть на образа:
на лицах человеческих
звериные глаза.

В сердцах не сохраниться
братающая высь,
коль русский с украинцем
спасаться разошлись.

Но злом налиты чаши
и смерть уже в крови,
а все спасенье наше
в согласье и любви.

Не стану бить поклоны
ни трону, ни рублю –
в любимую влюбленный
все сущее люблю.

Спешу сказать всем людям,
кто в смуте не оглох,
что если мы полюбим,
то в нас воскреснет Бог.

Сойдет тогда легко с нас
проклятие времен,
и исцеленный космос
мы в жизнь свою вернем.

Попробуйте – влюбитесь,-
иного не дано, -
и станете как витязь,
кем зло побеждено.

С души спадет дремота,
остепенится прыть.
Нельзя, любя кого-то,
весь мир не полюбить.

БЕЗУМНЫЙ ВЕК

Сбылась беда пророческих угроз,
и темный век бредет по бездорожью.
В нем естество склонилось перед ложью
и бранный разум душу перерос.

Явись теперь мудрец или поэт,
им не связать рассыпанные звенья.
Все одиноки - без уединенья.
Всё – гром, и смрад, и суета сует.

Ни доблестных мужей, ни кротких жен,
а вещей смысл тайком и ненароком...
Но жизни шум мешает быть пророком,
и без того я странен и смешон.

Люблю мой крест, мою полунужду
и то, что мне не выбиться из круга,
что пью с чужим, а гневаюсь на друга,
со злом мирюсь, а доброго не жду.

Мне век в лицо швыряет листопад,
а я люблю, не в силах отстраниться,
тех городов гранитные страницы,
что мы с тобой листали наугад.

Люблю молчать и слушать тишину
под звон синиц и скок веселых белок,
стихи травы, стихи березок белых,
что я тебе в час утренний шепну.

Каким святынь коснусь тревожным лбом?
Чем увенчаю влюбчивую старость?
Ни островка в синь-море не осталось,
ни белой тучки в небе голубом.....

Безумный век идет ко всем чертям,
а я читаю Диккенса и Твена
и в дни всеобщей дикости и тлена,
смеясь, молюсь мальчишеским мечтам.

НЕЗЕМНАЯ ГРУСТЬ

Мне снится грусти неземной
язык безустный,
и я ни капли не больной,
а просто грустный.

Не отстраняясь, не боясь,
не мучась ролью,
тоска вселенская слилась
с душевной болью.

Среди иных забот и дел
на тверди серой
я в должный час переболел
мечтой и верой.

Не созерцатель, не злодей,
не нехристь все же,
я не могу любить людей,
прости мне, Боже!

Припав к незримому плечу
ночами злыми,

ничем на свете не хочу
делиться с ними.

Гордыни нет в моих словах -
какая гордость? -
лишь одиночество и страх,
под ними горблюсь.

Душа с землей свое родство
забыть готова,
затем что нету ничего
на ней святого.

Как мало в жизни светлых дней,
как черных много!
Я не могу любить людей,
распявших Бога.

Да смерть – и та – нейдет им впрок,
лишь мясо в яму, -
кто небо нежное обрек
алчбе и сраму.

Покуда смертию не стер
следы от терний,
мне ближе братьев и сестер
мой лес вечерний.

Есть даже и у дикарей
тоска и память.
Скорей бы, Господи, скорей
в безвольность кануть.

Скорей бы, Господи, скорей
от зла и фальши,
от узнаваний и скорбей
отплыть подальше!..

ГРЕШНАЯ ГРУСТЬ

На мой порог зима пришла,
В окошко потное подула.
Я стыну зябко и сутуло,
Грущу – и грусть моя грешна.

И то ли счастье, то ли сон
На мой порог, как снег упали,
И пахнет милыми губами
Мое горящее лицо.

Я жарюсь в чертовых печах.
(Как раз за лириков взялись там!)
Я нищетой до дыр залистан.
О, не читай меня, печаль.

Ты ж, юность, смейся и шали,
 С кем хочешь будь, что хочешь делай.
 Метелью праздничной и белой
 Во мне шумят твои шаги.

Душе и сладко, и темно,
 Ей не уйти и не остаться, -
 И трубы трепетные счастья
 По-птичьи плачут надо мной.

СИЯНИЕ СНЕГОВ

Какой зимой завершена
 обида темных лет!
 Какая в мире тишина!
 Какой на свете свет!

Сон мира сладок и глубок,
 с лицом, склоненным в снег,
 и тот, кто в мире одинок,
 в сей миг блаженней всех.

О, стыдно в эти дни роптать,
 отчаиваться, клясть,
 когда почиет благодать
 на чаявших упасть!

В морозной сини белый дым,
 деревья и дома, -
 благословением святым
 прощает нас зима.

За все зловещие века,
 за всю беду и грусть
 младенческие облака
 сошли с небес на Русь.

В них радость – тернии купать
 рождественской звезде.
 И я люблю ее опять,
 как в детстве и в беде.

Земля простила всех иуд,
 и пир любви не скуп,
 и в небе ангелы поют,
 не разжимая губ.

Их свечи блестками парят,
 и я мою зажгу,
 чтоб бедный Галич был бы рад
 упавшему снежку.

О, сколько в мире мертвецов,

а снег живет нас.
а все ж и нам, в конце концов,
пробьет последний час.

Молюсь небесности земной
за то, что так щедра,
а кто помолится со мной,
те – брат мне и сестра.

И в жизни не было разлук,
и в мире смерти нет,
и серебрет в слове звук,
преображенный в свет.

Приснись вам, люди, снег во сне,
и я вам жизнь отдам –
глубинной вашей белизне,
сияющим снегам.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Покарауль наш дом,
а я пройду по свету:
быть может, там найдем,
чего в помине нету.

С подножий до высот
круг замкнут и изломан,
и снова не везет,
как вечно не везло нам.

Не тщась в потоке дней
возобновлять старинку,
мы снова всех бедней
при переходе к рынку.

В ответ на зов еще
треньбренькаю на лире,
но смутно и нищо
в сознании и в мире.

Откуда счастье нам?
ведь мы ж не побирушки,
как бедный Мандельштам
говаривал подружке.

В чаду календаря
с прощеньем и виною,
вернее говоря,
оно у нас иное.

Как верилось душе,
когда я был мальчишкой,
но в гору лезть уже

приходится с одышкой.

Все книги, что люблю,
прочитаны в той рани,
и вечер тороплю
для пива и тарани.

О да, я был в аду
и прожитые годы
фундаментом кладу
для внутренней свободы.

Под тяжестью седин
я чувствую впервые,
что мир сей посетил
в минуты роковые.

Не надо, не туши,
не думай, что не время, -
веселием души
поделимся со всеми.

Уж срок тот недалек,
когда любовь и мудрость,
раздув свой уголек,
воздушно обоймут нас.

РОЖДЕСТВО

Да ну и что с того –
в Москве или в Нью-Йорке?
Сегодня Рождество,
и мы с тобой на елке.

Вся в звездах и огнях,
вот-вот взлетит, живая,
счастливых и бедняг
на праздник созывая...

От крови и от слез
я слышу и не внемлю:
их столько пролилось
в отеческую землю,

Что с душ не ототрет
уже не рай, ни ад их, -
а нищий патриот
все ищет виноватых.

Вишь, умник да еврей –
губители России,
и алчут их кровей
погромные витии...

Но им наперекор,
сойдя с небес по сходням,
поет незримый хор
о Рождестве Господнем.

Поет, дары неся,
с уверенностью детской,
что Тот, кто родился,
сам крови иудейской.

Звучит хрустальный звон
для сбившихся с дороги:
уже родился Он
и мы не одиноки.

Идем со всех концов
с надеждою взглядеться
в безгрешное лицо
вселенского младенца.

Когда земная власть
с неправдой по соседству,
спасение – припасть
к Божественному детству.

Не зная наших уз,
свободный от одежды,
в нас верует Иисус
и хлопает в ладошки.

Рождественской порой,
как подобает людям,
мы Божьей детворой
хоть тропочки побудем.

Творится явь из сна
и, всматриваясь в лица,
Господняя весна
в нас теплится и длится.

В нас радуется Бог,
что детская пора есть,
от творческих тревог
взрослеть не собираясь.

Нам снова все друзья
и брат горой за братца,
и нам никак нельзя
от елки оторваться.

Та хвойная весна,
священствуя и нравясь,
с Руси привезена,
а всей земле на радость.

Клубится пар от вод,
сияет мир от радуг...
А нищий патриот
все ищет виноватых.

МОСКОВСКАЯ ОДА

Ах, Москва ты Москва – золота голова!
Я, расколов твоих темноту раскумекав,
по погубленным храмам твоим горевал
вместе с тысячью прочих жидов и чучмеков.

Мои ночи в сиянье твоих вечеров,
и московский снежок холодит мои веки,
искаженный твой облик целую в чело,
в твое красное с белым влюбляюсь навеки.

Мне святыни твои – как больному бальзам,
но согласия духовного нет между нами, -
поделом тебе срам, что не веришь слезам
и пророков своих побиваешь камнями.

Ты, со злой татарвой не боясь кумовства,
только силой сильна да могуча минутой,
русской вольности веси, ворюга, Москва,
прибирала к рукам с Калитой да с Малютой.

Ты на празднества лжи созывала детей,
оглашая полсвета малиновым звоном,
но в пределах твоих, но по воле твоей
с целым миром досель непривычно родство нам.

Отлетевший твой дух долго жить приказал,
да не хочется жить, как посмотришь на лица, -
у Василия Блаженного нет прихожан,
а в церкви на крови и негоже молиться...

Не один изувеченной вечности клад
ты хранишь, зажигая огни городские,
и тебе все равно, что твой брат Петроград
быть давно перестал тем, что был у России.

Ты родне деревенской в куске отказав,
шлешь проклятья и кары взывающим музам,
но тебе все равно, что Рязань и Казань
спозаранку твоим обжиряемы пюзом...

Свои лучшие думы я выстрадал здесь,
здесь я дружбу обрел, сочинитель элегий,
но противна душе чернорусская спесь,
и не терпит душа никаких привилегий.

Я полжизни отдам за московские дни,

хоть вовек не сочту, сколько было их кряду, -
но у красной стены чутко спят кистени
и скучают во сне по Охотному ряду.

Стыдно в ступе толочь мутны воды пестом,
стыдно новой порой да за старую песню ж, -
образумься, родная, трудом да постом,
и, пока не покаешься, да не воскреснешь.

ТОСКА НАПАЛА

На меня тоска напала.
Мне теперь никто не пара,
не делю ни с кем вины.

Землю русскую целую,
знаю, что не доживу я
до святой ее весны.

Изошла из мира милость,
вечность временем затмилась,
исчерствел духовный хлеб.

Все погромней, все пещерней
время крови, время черни.
Брежит свет – да кто не слеп?

Залечу ль рассудка раны:
почему чужие страны
нашей собственной добрей?

У меня тоска по людям.
Как мы истину полюбим,
если нет поводырей?

Не дослушаться ночами
слова, бывшего в начале,
из пустыни снеговой.

Безработица у эха:
этот умер, тот уехал –
не осталось никого.

Но с мальчишеского Крыма
не бывала так любима
растуманенная Русь.

Я смотрю, как жаждет жатва,
в задержавшееся завтра,
хоть его и не дождусь.

Что в Японии, что в Штатах –
на хрена мне их достаток, -
здесь я был и горю рад.

«Милый, где твоя котомка?» -
 вопрошаю у котенка,
 у ромашки, у ежа.

Были проводы недлинные,
 спьяну каждому в их спины
 все шептал: «Не уезжай...»

А и я сей день готовил,
 зрак вперял во мрак утопий,
 шел живой сквозь лютый ад.

Ухожу, не кончив спора.
 Для меня настанет скоро
 время Божьего суда.

Хватит всем у неба солнца,
 но лишь тот из них спасется,
 кто воротится сюда.

СПАСИТЕЛЬНАЯ СВОБОДА

Изверясь в разуме и в быте,
 осмеян дельными людьми,
 я выстроил себе обитель
 из созерцанья и любви.

Не где-нибудь, а здесь вот, здесь вот,
 порою сам того стыдясь,
 никак не выберусь из детства,
 не постарею отрадясь.

Лечу в зеленые заречья,
 где о веселье пели сны,
 где так черны все наши речи
 перед безмолвьем белизны.

Стою, как чарка, на пороге,
 и вечность – пролеском у ног.
 Друг, обопришь на эти строки,
 не смертен будь, не одинок...

Гремят погибельные годы,
 ветшает судебная нить...
 Моей спасительной свободы
 никто не хочет разделить.

ДРУЗЬЯМ

Благодарствую, други мои,
 за правдивые лица.
 Пусть, светла от взаимной любви,
 наша подлинность длится.

Будьте вечно такие, как есть, -
не борцы, не пророки,
просто люди, за совесть и честь
отсидевшие сроки....

Одного я всем сердцем боюсь,
как пугаются дети,
что одно скажет правнукам Русь:
как не надо на свете.

Видно, вправду такие чаи,
уголовное время,
что все близкие люди мои –
поголовно евреи.....

За молчанье разрозненных дней,
за жестокие версты
обнимите меня посильней,
мои братья и сестры.

Но и все же не дай вам Господь
уезжать из России.
Нам и надо лишь соли щепоть
на хлеба городские.

Нам и надо лишь судеб родство,
понимание взгляда.
А для бранных телес ничего
нам вовеки не надо.

Вместе будет нам в худшие дни
не темно и не тяжело.
Вы одни мне заместо родни,
павлопольская бражка.

Как бы ни были встречи тихи,
скоротечны мгновенья,
я еще напишу вам стихи
о святом нетерпенье.

Я еще позову вас в бои,
только были бы вместе.
Благодарствую, други мои,
за приверженность чести.

Нашей жажде все чаши малы,
все, что есть, вроде чуши.
Благодарствую, други мои,
за правдивые души.

ВИНА

Спокойно днюет и ночует,

кто за собой вины не чует:
он свой своим в своем дому
и не в чем каяться ему.

Он в хоровом негодованье
отверг и мысль о покаянье.
А я и в множестве один,
на мне одном сто тысяч вин.

На мне лежит со дня рожденья
проклятье богоотпадения,
и что такое русский бунт,
и сколько стоит лиха фунт.

И тучи кровью моросили, -
когда погибло пол-России
в братоубийственной войне, -
и эта кровь всегда на мне.

ТАЙНА РОЖДЕНИЯ

Куда мне бежать от бурлацких замашек?
Звенят небеса высоко.
На свете совсем не осталось ромашек
и синих, как сон, васильков.

Отдай мою землю с дождем и рябиной,
верни мне березы в снегу.
Я в желтые рощи ушел бы с любимой,
да много пройти не смогу.

Лишь воздух полуночи мой собеседник.
Сорняк не во сне ли возник?
Там серый песок, там чабрец и бессмертник,
там дикие звезды гвоздик.

Бросается в берег русалочья брага.
Там солнышком воздух согрет.
И сердце не вспомнит ни худа, ни блага,
Ни школьных, ни лагерных лет.

И Вечность вовек не взойдет семицветьем
в загробной безрадостной мгле.
И я не рожден в девятьсот двадцать третьем,
а вечно живу на земле.

Я выменял память о дате и годе
на звон в поднебесной листве.
Не дяди и тети, а Данте и Гете
со мной в непробудном родстве.

ИЗБРАВШИЕ ПЕЧАЛЬ

Между печалью и ничем

мы выбрали печаль.
и спросит кто-нибудь «зачем?»,
а кто-то скажет «жаль».

И то ли чернь, а то ли знать,
смеясь, махнет рукой.
а нам не время объяснять
и думать про покой.

Нас в мире горсть на сотни лет,
на тысячу земель,
и в нас не меркнет горний свет,
не сякнет Божий хмель.

Нам – как дышать, - приняв печать
гонений и разлук, -
огнем на искру отвечать
и музыкой – на звук.

И обреченностью кресту,
и горечью питья
мы искупаем суету
и грубость бытия.

Мы оставляем души здесь,
чтоб некогда Господь
простил нам творческую спесь
и ропщущую плоть.

И нам идти, идти, идти,
пока стучат сердца,
и знать, что нету у пути
ни меры, ни конца.

Когда к нам ангелы прильнут,
лаская тишиной,
мы лишь на несколько минут
забудемся душой.

И снова – за листы поэм,
за кисти, за рояль, -
между печалью и ничем
избравшие печаль.

НИЧЕГО НЕ ПОДЕЛАЕШЬ

Я почувал беду и проснулся от горя и смуты,
и заплакал о тех, перед кем в неизвестном долгу, -
и не знаю, как быть, и как годы проходят минуты....
Ах, родные, родные, ну чем я вам всем помогу?

Хоть бы чуда занять у певучих и влюбчивых клавиш,
но не помнит уроков дурная моя голова,
а слова – мы ж не дети, - словами беды не убавишь,

больше тысячи лет, как не Бог нам диктует слова.

О как мучает мозг бытия неразумного скрежет,
как смертельно сосет пустота вседержавных высот.
Век растленен и зол. И ничто на земле не утешит.
Бог не дрогнет на зов. И ничто в небесах не спасет.

И меня обижали – безвинно, вздохом, не однажды,
и в моем черепке всем скорбям чернота возжена,
но давно вместо счастья мученье таинственной жажды,
и прозренье берез, и склоненных небес тишина.

И спасибо животным, деревьям, цветам и колосьям,
и смиренному Баху, чтоб нам через тернии за ним, -
и прощенье врагам, не затем, чтобы сладко спалось им,
а чтоб стать хоть на миг нам свободней и легче самим.

Еще могут сто раз на позор и на ужас обречь нас,
но, чтоб крохотный светик в потемках сердец не потух,
нам дает свой венок – ничего не поделаешь – Вечность
и все дальше ведет – ничего не поделаешь – Дух.